

Хан Йе-ан начала относиться ко мне как к своему младшему брату с какого-то момента, но я не принял ее. Я никого не принимал, если быть честным.

Я был слишком диким, так как был ребенком.

— Учитель~ Сейю снова издевается над другими детьми.

— Учитель! Сейю снова сражается!

Мой характер был немного более агрессивным по сравнению с другими детьми. Меня странно тянуло к дракам, и я всегда ходил по улицам, дразня других. Я вел себя вежливо и мило перед людьми, перед которыми я хотел хорошо выглядеть, например, перед своей мамой, но я вел себя как чертенок по отношению к другим членам семьи или другим людям.

Так что я был известен как проблемный ребенок и всех, казалось, тошнило от моего интереса к насилию.

Были времена, когда даже моя мама разочаровывалась во мне и цокала языком, когда Хан Йе-ан стояла рядом с ней и не отпускала.

— Я все отправлю и отстраню тебя от школы. Останови это. Не делай ничего, что могло бы разрушить твое собственное будущее.

Хан Йе-ан угрожала мне моими слабыми местами, чтобы попытаться заставить меня вести себя хорошо. Когда угрозы, казалось, не срабатывали, она приходила в школу и делала из этого большое дело перед другими, ставя меня в неловкое положение. Поэтому всякий раз, когда я пытался вести себя хорошо время от времени, она осыпала меня такой похвалой, что это было почти ошеломляюще.

Она играла в моей жизни даже более активную роль, чем я сам. Доверяла мне там, где не могла даже моя собственная мать и пыталась понять меня и доверять мне, где могла. Когда я вернулся домой с травмой, она искренне поддержала меня, даже не выслушав всю историю.

Независимо от того, насколько это было правдой, Хан Йе-ан относилась ко мне больше как к своему младшему брату, чем к проблемному ребенку, поэтому она пыталась понять вещи, о которых я даже не мог подумать. Это меня изменило? Я понял, что мне нужно свернуть и отказаться от некоторых вещей в жизни, чтобы обойтись без проблем. Я стал смотреть на жизнь более здоровым взглядом.

Хан Йе-ан, вероятно, видела меня только тогда, когда я злился на весь мир, но она, казалось, видела во мне только хорошие стороны. Я не знал, что чувствовать, когда она, кто-то, кто был только агрессивен и недоброжелателен ко мне, вдруг стала относиться ко мне как к своему. Я почему-то обрадовался. Было приятно получить такую привязанность от кого-то, кто раньше

игнорировал меня. Хан Йе-ан принимала меня все больше и больше с течением времени, поэтому я был счастлив, когда в нашей семье внезапно случилась трагедия. Мне нравилось быть объектом ее бесплатного, неизменного внимания.

Несмотря на то, что она приняла меня как своего, она не требовала от меня того же. Она просто проявляла ко мне постоянный интерес и терпеливо ждала. И вот так я впустил в свое сердце еще кого-то, рядом с мамой.

Когда у нас были проблемы с финансами, Йе-ан всегда чинила все по дому. На электронные устройства уходило не менее десяти тысяч вон(1) или больше, поэтому она всегда старалась чинить вещи как могла. Лично у меня в среднем 70% или выше был балл только один предмет математика, так что мы вдвоем всегда ломали головы и изо всех сил старались чинить вещи вместе.

Я хотел стать опорой для Йе-ан, поэтому учился изо всех сил и исследовал как можно больше. Затем, когда Йе-ан, казалось, заново посмотрела на мой успешный ремонт, я решил полностью сместить свои будущие цели на математику и естественные науки. Мне нравилось чего-то добиваться после работы с Йе-ан, поэтому я учился и старался изо всех сил, чтобы научить ее большему. Честно говоря, если бы не она, я бы в будущем занялся здоровьем или физкультурой. Тэквандо или кендо, что-то в этом роде.

Наша жизнь была гладкой, пока наши родители не умерли. Наша жизнь начала медленно, мало-помалу рушиться. Йе-ан тоже начала постепенно разрушаться. Мы бежали марафон, как будто это был спринт. Наши легкие горели, медленно готовясь к воспламенению, пока мы бежали, не зная, когда можно отдохнуть.

Мне жаль наших родителей, но меня больше огорчил тот факт, что Йе-ан пришлось позволить себе уйти, чем тот факт, что они ушли. После их смерти даже ходьба казалась Йе-ан непосильной. Я был зол на то, как она пыталась взять на себя ответственность за меня, даже когда была разбита, поэтому часто уходил из дома. Я ненавидел видеть, как Семи или Йехван пристают к Йе-ан по всему дому. Я ушел из дома и вернулся к боям и бродил по улицам.

Я был слишком молод. И все еще сожалею об этом. Я был глуп. Не должен был этого делать. Я знал, чего она хочет и что ей нужно, но избегал этого. Слишком поздно все понял. Думал, что если не буду в ее поле зрения, то она не будет заботиться обо мне. Я был глуп.

Я не думал делить ее время и вместо этого обременял еще больше. Я только понял, что медленно вел ее ближе к концу.

Я только пытался убежать. Думаю, я убегал от всего, потому что не привык к тому, что нашу семью насильно связывают вместе. И принял ее окончательно только после того, как она спрятала свое страдание за своей живостью. Я, наконец, начал стараться изо всех сил и принял ее как семью только ближе к концу. Начал заботиться о Семи и Йехване, остальных она приняла как своих и думала о них как о своих. Я хотел взять на себя часть ответственности, которая была у нее.

А потом, когда я почувствовал, что наконец-то расплачиваюсь с ней,

Хан Йе-ан вернулся ко мне в виде трупа.

Я был потрясен. Оцепенел. Думаю, тогда даже перестал дышать. У меня заложило уши, и я почувствовал, будто кто-то проткнул мое тело изнутри.

Я чуть не совершил еще одну глупую ошибку из-за печали, которую испытал после ее потери. К счастью, я прочитал письмо, которое Хан Йе-ан оставила, прежде чем снова потерялся в себе, а затем изо всех сил старался защитить то, что она пыталась защитить, в то же время растягивая себя.

Я думаю, что был самым активным сразу после смерти Хан Йе-ан, и мне пришлось взять на себя ответственность за своих младших братьев. Семи и Йехван безудержно рыдали, и я не мог позволить себе сделать то же самое. Мы с братьями были для нее всем, поэтому я должен был оберегать всех нас.

Я жил изо всех сил, чтобы оставаться в здравом уме, и улыбался, заботясь о своих братьях. Йе-ан, вероятно, каждый день делала тоже сразу после смерти наших родителей. Теперь, когда я был в том же положении, что и она чувствовал то же самое, через что она, должно быть, прошла. Это было невероятно тяжело, поэтому мое сердце болело еще больше.

Все чувства, которые я не мог выразить по поводу ее смерти, всегда, казалось, выражались в моих снах.

И вот однажды мне во сне приснилась Йе-ан. Она дернула меня за волосы с чопорным выражением лица и тоном, прежде чем обнять меня и успокоить. Я разрыдался в объятиях своей старшей сестры, которая была опорой в моей жизни.

— Я скучаю по тебе, я хочу тебя увидеть, пожалуйста... Ты не умерла.

Я все еще хотел отрицать это. Я выразил всю печаль, которую не мог показать перед своими братьями по отношению к Йе-ан во сне. Вцепился в нее и отказывался верить, что она умерла.

Когда я держал ее лицо трясущимися руками, понял, что мои руки пропитаны кровью. Кровь исходила от Йе-ан. Когда кровь продолжала литься, я изо всех сил старался уцепиться за нее.

Я знал, что означает эта кровь. Невольно признал ее смерть, как бы мне ни хотелось забыть об этом как о сне.

— Нет, нет, эй. Нет, пожалуйста, не надо. Нет! Нуна! Йе-ан!

Я обнял Йе-ан так сильно, как только мог, словно цеплялся за свою последнюю надежду, даже когда она медленно становилась холодной в моих руках.

Когда ее тело потеряло силу, а шея, казалось, вот-вот сломается, я взял ее за голову рукой. Осторожно обнял ее ломающееся тело и наклонил к себе. Ее теплое тело становилось все холоднее и холоднее, а черные глаза потеряли фокус и стали похожи на глаза куклы.

Когда я поднял голову, оказался на холодной асфальтовой земле. Кровь продолжала растекаться наружу, и я все еще слышал, как вокруг нас эхом разносится звонок ее телефона. Я умолял вместе с ней. Хотел, чтобы она вернулась к жизни, чтобы сказать что-нибудь, что угодно. Хотел бы я, чтобы она окликнула меня по имени, хотя бы еще раз.

— Возьми и меня. Я не могу с этим справиться.....

Я протянул руку к ее рыдающей, задыхающейся фигуре.

Проснувшись, я снова оказался в реальности. Сжал руки в кулак и ударил им о кровать, проклиная жизнь.

Всякий раз, когда чувствовал, что кошмары продолжаются, и жизнь начинала сжиматься вокруг моей шеи, доставал лист бумаги, который хранил во втором ящике моей комнаты. Бумага пожелтела от времени и износилась, поэтому я драгоценно положил ее в пластиковый пакет на молнии.

Бумага, испещренная кровью, была письмом, которое Йе-ан написала вместе со своим подарком.

Я потер пальцем одно из пятен крови. Это было очевидно, но не исчезло.

У меня всегда сжималось сердце, когда доставал письмо — я не мог не вспомнить то время.

Письмо словно дразнило меня, но оно было полно ее честных, добрых чувств моей старшей сестры.

Когда я читал части письма вслух, всегда подражал ее тону. Прошло десять лет, но я ясно помнил ее жесты, тон и взгляд.

Всякий раз, когда я читал письмо вслух, не мог не плакать. Отложив письмо.

Мои глаза были теплыми и готовыми пролить слезы, но я улыбнулся. Потер глаза руками.

Семи и Йехван теперь были довольно спокойны и понимали ее смерть. Йе-ан была еще одним прекрасным и печальным воспоминанием об их прошлом.

Они оба могли оглянуться назад и подумать: «Йе-ан была отличной старшей сестрой». Они могли вспомнить ее, когда мы хотели, и ненадолго забыть о ней, когда мы были заняты. Они отличались от меня, который все еще пытался забыть ее. Мне не нравилось, что я одинок, поэтому у меня даже был сосед по комнате с работы, чтобы отвлечь меня от всего этого. Этого достаточно.

Теперь Йехван и Семи были физически и умственно зрелыми. Мне не нужно было скрывать свои эмоции, потому что я беспокоился за их стабильность.

В отличие от Йе-ан, которая не могла показать свои истинные чувства до самой смерти, у меня была роскошь быть честным в своих чувствах.

У меня сдавило сердце – я положил руку на ожерелье с оранжево-черным камнем. Я коснулся кончиком пальца острого кончика ожерелья. Всякий раз, когда нервничал, прикасался к его кончику. Сейчас оно сильно изношено.

Это ожерелье давным-давно подарил мне Йехван, но я понятия не имел, кто нам его подарил. Когда я спросил Семи, она сказала, что его подарила принцесса. Я понятия не имел, что это значит.

Всякий раз, когда я прикасалась к этому ожерелью и таинственному камню в нем, мое сердце успокаивалось. С тех пор никогда его не снимал. Мне тоже понравился дизайн, и я чувствовал себя более энергичным всякий раз, когда он был на мне.

Я вышел из дома и сел в машину, чтобы отправиться на кладбище.

Продолжал думать о ней, пока ехал. Она отошла на задний план, когда должна была сиять больше всего. Я тыкал ей в лицо и пытался разбудить, даже глядя на ее мертвое тело.

Обнимал ее мертвое тело руками, пока спорил с докторами, но они только покачали головой. Когда доктор сказал мне, что она полностью исчезла, я подумал, что на мгновение потерял сознание.

Я вырвался из оцепенения, когда мне позвонили Йехван и Семи. Слушал, как они жаловались и спрашивали, когда я принесу мороженое, и смотрел, как забирали тело Йе-ан.

Мне казалось, что меня столкнули в ледяную реку. Я слышал, как Семи жалуется на то, что я и Йе-ан слишком долго тянем, и я больше не мог этого выносить.

Я повесил трубку и снова разрыдался. Чувствовал, что мой рассудок вот-вот лопнет от

известия о ее смерти. Поэтому сначала сопротивлялся. Но я хотел сдержать свое обещание, данное Ёе-ан, поэтому обратил свой взор на своих братьев.

Примечание:

1) Десять тысяч вон — это примерно 10 долларов США или 842,50 рубля по нынешнему курсу

<http://tl.rulate.ru/book/26024/3385900>